

фантастическая
история

Книги Виктора Сиголаева
в серии «Фантастическая История»

ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

МОСКВА, 2018

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
колесо.**
Третий не лишний

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С34

Серия основана в 2010 году
Выпуск 129

Сиголаев В. А.

С34 Фатальное колесо. Третий не лишний: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 278 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2622-5

Нет, я не прогрессор. И просто «попаданцем» назвать себя не považивается язык, хотя я реально попал! Попал в собственное детство. По непонятному стечению обстоятельств и неведомому космическому капризу. Да еще и с жизненным опытом взрослого человека — офицера запаса и преподавателя общественных дисциплин. Вот только менять ход истории, как это положено делать нормальному «попаданцу», как-то не с руки. Да и не особо хочется...

А зачем? Все ведь и так прекрасно! Что может быть лучше беззаботного детства во времена «развитого социализма»? Квас за три копейки, мороженое за девять, да и детство твое проходит не где-нибудь, а на берегу теплого Черного моря. Казалось бы, живи да радуйся, используй непостижимый разворот фатального колеса на полную катушку, так нет же! Горе от ума. Не дают взрослые мозги ребенку насладиться всей прелестью босоногого счастья. Из-за них и дружба с оперативниками из КГБ, и опасности по несколько раз на дню, а иногда и риск остаться без этой умной, но беспокойной головы.

А тут еще другие «попаданцы»! Братья, можно сказать, по несчастью. В этом беспечном «застойном» болотце, похоже, есть уже третий непрошенный гость из будущего! Да еще и такой... необычный. А третий, как известно, лишний.

Или нет?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2622-5

ПРОЛОГ

Что же это было?

Ну понятно, я. Вообще что-то ненормальное. Внешне — худенький восьмилетний школьник. Не очень велик, но, между прочим, и не мелочь пузатая. Так, середнячок, уверенно попадающий в топовую десятку классной шеренги на физкультуре. На восьмое-девятое место, если честно. Зато через какой-то месяц — настоящий второклассник. А это, на секундочку, уже что-то! Это вам не какой-нибудь бесправный душара-первоклашка. Величина! К тому же хорошист, спортсмен и командир октябрятской «звездочки» (не удалось отвертеться от завуча). Правда, ко всему прочему, непоседа и барагоз, но это, как говорят у нас на юге, «та то так». Пустяки, мол. Не берите в голову.

В целом — впечатление положительное.

Только вам любой моряк-полярник укажет веско и авторитетно — не надо оценивать айсберг по размерам его макушки. Чревато это. А что же касается моей персоны, такая ошибка вообще может оказаться роковой, а кое для кого и фатальной. Как то колесо от «москвича», которое и забросило меня в прошлое.

Потому что внутри у меня находится сущность, крайне далекая от внешне благопристойного образа: мозги и жизненный опыт пятидесятилетнего военного пенсионера, замполита и учителя истории. Моралиста и зануды, если быть до конца честным, «та то так». Издержки возраста.

То есть получите объект для восхищения — ребенок с сознанием взрослого человека. Пожилого даже, чего греха таить. Причем мальчик живет в семьдесят четвертом, а со-

знание и мозги — из две тысячи пятнадцатого! И скажу, забегая вперед, не дают эти мозги детенышу спокойной жизни. Ох и не дают!

Как назвать такой вот симбиоз — аномалией мироздания или вывихом вселенского гомеостаза? Понятия не имею. А самое главное, никто на свете, и в первую очередь я сам, не в состоянии объяснить, как такая непонятка могла произойти.

Впрочем, насчет «никого на свете» я слегка преувеличиваю: об этой несурразице знает на данном историческом этапе только один человек — инструктор мой Ирина. Позывной в иерархии местного отдела Конторы — «Сатурн». Я имел неосторожность в прошлом году рассказать ей о своей наболевшей проблеме. В подробностях. В животрепещущих деталях. Был, признаюсь, излишне эмоционален и чертовски несдержан.

Тем не менее кое-что в этой несдержанности меня все-таки извиняет.

Ну, во-первых, находился я тогда в состоянии серьезного психологического шока. На фоне, так сказать, полного физического истощения, вызванного длительным ночным заплывом в открытом море. Такой стресс получил, что об этом до сих пор вспоминать не хочется.

А во-вторых, в минуту слабости я через Ирину интуитивно «возопил о помощи» к Шефу, к Сергею Владимировичу — старшему в нашей компании. Начальнику нескольких подразделений и межведомственных групп. Позывной «Пятый». У него голова — что Дом Советов. К тому же — гигантский опыт оперативной работы и невообразимая интуиция.

Собственно, он меня и нашел в свое время. Нашел и приобщи к работе «в поле». Раскрываясь Ирине, разумеется конфиденциально, я тем не менее надеялся, что она рано или поздно сама «сдаст» информацию о моей аномалии вверх по команде. И думать за меня начнет уже кто-то другой. Скорей всего, так оно и произошло. Возможно. Поряду косвенных признаков, Ирина действительно меня сдала. Из самых добрых побуждений, естественно. Да толь-

ко «Пятый» хранит по этому поводу загадочное гробовое молчание и мой хомут на свою должностную шею перекладывать не торопится. Ну, это понятно. У него есть на то свои резоны.

Однако дело не в этом. Проблема в том, что весной, во время нашей последней операции, обнаружилось, что я здесь, в этом времени торжества развитого социализма, оказывается, не один такой красивый! Ну, типа телом местный, а мозгами из двадцать первого века. У нас, как выясняется, еще один такой кадр бузотерит в социалистической действительности.

Кадр из будущего! Да такой, что на уши поднялась не только городская контора, на придушенный писк которой резво откликнулись все областные силовики. Подпрыгнули в экстазе аж на самой всесоюзной верхушке КГБ! Ни много ни мало. Виданое ли дело — похищения советских людей с целью забугорной продажи проклятым и безнадежно загнившим капиталистам! И за всем этим безобразием — всего лишь один человек!

Сильный был кадр. Да только погиб, знаете ли, «землячок». От моей, стало быть, руки и погиб.

Как поют в этих временах хулиганствующие подростки в подворотнях: «И сцепились два тела, дрожа. И сверкнули два острых ножа. Были оба красивы, сильны. Как два брата похожи они...»

М-да. Ножи, конечно, не сверкали. И «сильны» были далеко не оба. Разница, знаете ли, в возрасте. Мне просто повезло. Крупно. И не думаю я, что это везение займет почетное место в моих предполагаемых мемуарах.

Хотя... самозащита в чистом виде, ни один адвокат не придерется.

Только я опять не об этом!

Два засланца из смутного демократического будущего — это, понятное дело, серьезный экстрим для советской эпохи. Для местных застойных реалий и этого оказалось многовато. Хорошо, что хоть второй «скиталец времен» все же свой секрет унес вовремя в могилу. Волну, правда, поднял — мама не горюй!

Я же со своей стороны насчет будущего в основном помалкиваю, если не считать Ирины. И свои суперспособности по возможности стараюсь сильно не афишировать. Вне группы, разумеется.

И вроде бы все возвращается на круги своя: преступный элемент в целом — в пределах допустимой погрешности, шпионы не злобствуют, а я — вновь обычный рядовой октябренок. Послушный сын и верный товарищ.

Думаете, это все?

Как бы не так! Ошибаться изволите.

«Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал». Вновь труба зовет! Потому как у нас тут, в светлом прошлом, третий засланец нарисовывается! По косвенным, правда, признакам, но тем не менее. А третий — как известно, при некоторых раскладах всяко уж «лишний»!

Особенно такой, я бы сказал... оригинальный третий.

Расскажу по порядку, как получилось.

Глава 1

ГЕННАДИЙ ФОН МЮНХАУЗЕН

— Все они тут повязаны! Все до одной!

Малолетний рассказчик выразительно таращит глаза, грозно надувает щеки и даже слегка шевелит ушами в пространстве. Для вящей убедительности и торжественности момента. Уши, надо отдать должное, шикарные — огромные, в пунцовых прожилках, к тому же растопырены так, что напоминают воздухозаборники у «Запорожца».

Эти «локаторы» принадлежат Генке Федюхину. Моему однокласснику.

Он у нас душа компании, заводила и баламут. А главное — враль, которого свет доселе не видывал! Брехло. Белебень! Сейчас, к примеру, на моих глазах происходит рождение новой легенды. Легко и непринужденно, можно сказать, в режиме импровиза формируется миф о том, почему мальчишкам нашего сопливого возраста так хочется лишний раз дернуть девчонку за косичку. Или треснуть портфелем по маковке. Или — обратить злодейку в бегство, а потом ловко подсесть вражину сзади подножкой. Эх, вышший пилотаж!

Просто они... сами во всем виноваты!

Я откинулся на спину и зажмурился, с удовольствием впитывая ароматы душистого крымского августа. Пахнет выгоревшей травой, землей, разогретой под солнцем до «сковородной» температуры, и чем-то цветочно-кипарисовым, если можно себе такой запах вообразить. Цикады трещат как полоумные, перепутав день с ночью. С тяжелым гулом пролетают осы и стрекозы — от сада к саду, скорее

всего. Ведь самый фруктовый месяц на дворе. Самый лучший летний месяц, сладкий и беззаботный.

Господи, хорошо-то как!

Мы оголтелой стайкой носились на велосипедах в пригороде, потом слегка утомились и недолго думая рухнули отдыхать прямо на травку, там, где и застала нас усталость, — а чего далеко-то ходить? Теперь, раскинувшись на уютном блекло-зеленом склоне в полутени абрикосовых деревьев, мы степенно толкуем «за жизнь». В данный конкретный момент слушаем доклад философа Генки с его новейшими изысканиями в области гендерных стереотипов.

А он разошелся не на шутку:

— Они же днем — как обычные девки! Не отличишь. В классики там свои играют. В куколки, в цветочки, в резиночки, в дочки-матери свои... — Генкина компетентность смутно настораживает. — Только вранье все это. Маскировка. Прикидываются они! Точно вам говорю. На самом деле они все — самая настоящая банда!

Любопытная версия.

И откуда все это берется? Нет, просто интересно, куда гражданина Федюхина на этот раз заведет его неугомонная фантазия?

Ну, давай-давай.

— Как только заходит солнце и наступает ночь, — нагоняет особой жути рассказчик, — выходят они тайком из дома, собираются вместе и начинают... ловить пацанов!

Ада! Дайте больше ада!

— Повсюду, значит, их ловят! По всему району! А как поймают, пытать начинают. Привязывают к стулу — и... давай раздевать!!!

Ого! Да у нас тут зародыши эротических фантазий! В восемь неразумных лет.

Ну, теперь понятно. Все вдруг стало ну просто предельно ясно. Я бы сказал — транспарентность ночных коллизий в каменных джунглях нашего района начинает торжествовать! Смотри ж ты, экие разбойницы! Ночные бестии. Валькирии местечковые! Ох и плачут по ним портфели с подножками. Так и надо этим бандиткам!

И смех и грех.

Каково мне все это выслушивать в свои пятьдесят с лишком?

Не могу удержаться:

— Гендос! А ты — это, того... малость не преувеличиваешь?

Мне можно вступать в самые разнообразные разговоры и задавать любые, даже такие провокационные вопросы, потому что с недавнего времени я на районе пользуюсь невиданным авторитетом. И это не потому что, к примеру, ловко дерусь или там лучше всех плаваю. Нет. Этим никого не удивишь. Я просто недавно имел неосторожность продемонстрировать обществу несколько приемов так называемого «битбокса» в собственной интерпретации.

Если кто не знает (молодежи не касается), битбоксинг — это вовсе не одна из разновидностей классического бокса и даже не искусство махать битой. Это, как бы точнее сформулировать, использование ротовой полости и голосовых связок не по прямому их назначению, а в качестве воспроизведения музыкальных звуков и ритмов. Без вспомогательных инструментов, разумеется.

Не хватает мне, знаете ли, в этом времени современной музыки.

Хочу попсы!

Вот и зарядил я как-то микс разухабистого ресторанного бита, имитируя ударную установку. Получилось что-то вроде: «Дык. Туки-пыщ. Дык-дык. Туки-пыщ, пыщ. Дык. Туки-пыщ. Дыки-мыки-фики-пыщ». И по квадрату, как положено. На четыре четверти. Пока губа не онемает.

Элементарщина, конечно, кустарщина дилетантская, но общество от изумления оказалось на пятой точке. И мой социальный статус неожиданно вознесся до небес. С тех пор я регулярно совершенствую свои таланты звукового имитатора и продолжаю «буреть» в пацанском коллективе:

— Вот откуда ты все это знаешь? В таких подробностях? Про стул, про пытки? А?

— А... так меня тоже ловили...

Лихо. Не моргнув глазом! И даже не шевельнув ушами ни разу.

— И тоже... пытали?

— А то! Стали привязывать к... железным воротам. Возле школы, знаешь? Ага, именно к этим! Да только я вырвался. Дал одной там... в нос. Вот так, хрясь! Тогда они куча-малой набросились. Майку мне порвали. Хотели штаны снять — так я их раскидал всех. Да и утек! Они погнались было, да только... ты же знаешь, как я быстро бегаю!

— Ты же майку о забор порвал. Когда к соседу твоему за «изабеллой» лазили! Забыл, что ли? Помнишь, как мать тебя ремнем гоняла?

— Другую! Другую майку! Новую! Да не жалко ее. Зато я теперь их всех запомнил! Всех! Вон! Вон, смотри!

И, спрыгивая со скользкой «маечной темы», начинает тыкать пальцем в сторону виднеющихся неподалеку частных домиков. Мальчишки все дружно разворачиваются туда.

— Видали? Ходят тут. Выглядывают!

Метрах в шестидесяти от нас из проулка одноэтажек выпорхнула парочка наших ровесниц. Стрельнули глазками, пошептались, хихикнули и вприпрыжку поскакали по каким-то своим девчачьим делам.

— Я одну из них видел там, — с важностью заявил Генка, — ночью. Это... Катька. Катька... Мокрушница. Самая злобная из них. Вообще замочить меня хотела. Не знаю, что было бы, если бы я не утек...

И вздохнул печально, все же шевельнув для достоверности ушами.

Трагически на этот раз.

Я присмотрелся. Девчонки как девчонки. Одна, кажется, из нашей школы, из параллельного класса.

Бред!

Однако пацаны слушали открыв рот. А Генка купался в лучах ненадежной и кратковременной славы, млея от наслаждения.

Нужны еще доказательства? Сейчас слепим.

— Вот тебя, да-да, Димон, тебя! Разве девки тебя не ловили ни разу?

Хороший ход!

Димка — слабое звено в нашей компании. Самый щуплый и немногословный член стаи. Попробуй тут возразить нашему «корпоративному моторчику». Да и не так уж часто к Димону здесь обращаются. Особенно по таким серьезным вопросам. Приходится соответствовать.

— Ну... ловили... один раз... Мм... На той неделе... Только я их не запомнил вовсе. Мне... глаза сразу завязали... Тряпкой...

— И как? Тоже пытали? Раздевали? — устроил я свидетелю «перекрестный допрос».

— Ну... я не помню, — замялся Димон и тут же ляпнул не подумав: — Глаза же завязаны! Я и не видел ничего!

— И не видел, и не слышал, и даже не почувствовал, как штаны снимают, — добил я Генкиного подпевалу.

Димон густо покраснел, но за него сразу же вписался наш барон Мюнхаузен:

— Чего ты пристал? Может... неудобно человеку вспоминать. — И дальше пошел гнуть свою линию: — А девки еще и предупреждают всех, кого поймали, — мол, скажешь кому — хуже будет! Специально за тобой охотиться начнут. Тогда уж — все! Кранты!

Я притворно вздохнул:

— Жаль. Давай тогда прощаться, Гендос. Этот закат ты видишь в последний раз. Теперь уж точно — сдернут с тебя твои штанишки. А после этого какая жизнь пацану?

— Не дамся я, — угрюмо буркнул Генка, а затем, подумав, прибавил пафоса: — Живым больше не дамся! Пусть даже и не думают.

Я вновь откинулся спиной в пыльную душистую траву и беззаботно заявил:

— Да ты просто не ходи никуда по ночам. Сделай уж усилие над собой, потерпи. Понимаю, что дома не усидеть, только ведь жизнь дороже! Она один раз дается.

Вот оно мне надо?

Чего к мальчишкам прицепился, дурень великовозрастный? Чешут своими языками — и ладно. Проходят, так сказать, свою школу коммуникации в коллективе, нащупывают ориентиры и экспериментируют статусами. Нормальное дело.

Но до чего же с ними скучно!

— А давай мы их сами ночью подловим, — неожиданно даже для самого себя предложил я, вернувшись в сидячее положение. — На живца! Вон Димона пустим вперед, а сами в засаду. Покажем им, кто на районе хозяин. Пацаны или девчонки. А?

У щуплого Димки, как у того хамелеона, резко изменился цвет кожного покрова.

Кровь отхлынула от щек, и он из пунцового жизнерадостного индейца вмиг превратился в зачуханного бледно-желтого ковбоя. Загар не позволил ему стать по-настоящему белым.

— Меня... ночью не пустят, — позорно признался он.

Ну да! А кого здесь пустят?

В Генкиной легенде ночные забеги — самое слабое место. Мы же не беспризорники какие. Максимум в восемь вечера всех оболтусов матери загоняют домой. А то и раньше. Кого тут ловить злобным девчонкам? Самих себя? А к слову, их-то кто по ночам отпускает? Неправильные какие-то у них родители.

Короче, все почувствовали, что Генкина версия слегка завибрировала. Легенда стремительно теряла стройность и грозила вот-вот рассыпаться. Но чем любопытен наш ранешкольный возраст — логика здесь пока не имеет столь определяющего значения, как, скажем, у взрослых. Или даже у старшеклассников. Тянет мальчишек к чуду, к сказкам, к фантазиям. Дед Мороз жив! Он пока еще существует, а значит, могут существовать и ночные хищницы, алчущие мальчишеских штанишек.

И получается — поделом мы их портфелями по макушкам!

А что? В нашем двадцать первом веке те же американцы используют не менее сомнительные поводы, чтобы, ска-

жем, очередной раз сунуться в какую-нибудь страну во имя торжества демократии. А мы чем хуже? У нас свои «пробирки с порошком».

И Генка не сдаётся:

— А что? Подходящая идея. Поймаем и наваляем. Точно! Кто сможет ночью выйти?

Пацаны замялись. Стали отводить глаза.

Кто-то стал гонять муравьиного льва по лункам склона. Кто-то начал втыкать палочку в землю — настоящие ножи родители носить не разрешают. Желаящих, короче, не находилось.

— Я смогу, — поддержал я Генку. Раз заварил сам кашу, нечего отмалчиваться. — Когда собираемся?

— Вдвенадцать. В полночь! На пустыре за кинотеатром.

Ада!

Пустырь — штатное место для драк между нашими дворовыми группировками. Грозное место. И о нем все знают. Не перепутаешь. Генкин выбор символизирует серьёзность его намерений.

— Идет. Так что, вдвоем идем?

— Я сейчас у бабушки ночую, она старенькая, рано спать ложится, — вписался конопатый парнишка по имени Славка, — как заснет, я приду.

Славка не из нашего класса. И даже не из нашего двора, что грозило бы ему обструкцией. Однако на нашей территории живет его бабушка, и поэтому у него шенгенская виза. Доступ Славке в наш аквариум разрешен. Теперь же ему хочется еще и статусного веса поднабрать среди чужаков.

— Ну, и я буду. Чего там. Делов-то...

Это Вадька Трюханов.

Отец его сидит (не без моей помощи), сам Вадька живет с бабушкой. Бабуля, кстати, у него мировая. Трюха наверняка ей скажет, что идет ночью со мной. Допустим, крабов ловить в темноте, на фонарик. И его отпустят. Я среди бабушек двора в авторитете. Сам не знаю почему. Догадываюсь — чувствуют они что-то про мой скрытый возраст. На подкорке ощущают, на жизненном опыте.

Вот и проникаются доверием.

— Все? Нет больше желающих?

Я обвожу взглядом каждого. И каждый сдувается — или отворачивается застенчиво, или пожимает плечами, мол, чего уж там, сам все понимаешь.

— Струсили, — с важностью констатирует Генка.

Годика через два-три за такое заявление он точно схлопочет по шее. Без вариантов. Но бывшие первоклашки пока миролюбивы как травоядные олени. Улица их пока еще не обточила как надо. Хотя стремление к возмужанию уже ощущается.

— Ничего не струсили, — возражает один из пареньков, — просто брешешь ты все, Генка!

Ага! Получил, Федюхин? По федюхинским высотам? Это хорошо, что пока еще не по шее. Тем не менее первые признаки рождения системной оппозиции уже очевидны. Говорю же, взрослеет молодая поросль! Мужает.

— Сам ты брешешь! — взвился обиженный в лучших своих начинаниях Генка. — Не хочешь — не ходи. Только потом, как поймают тебя эти мыши, — не жалуйся нам!

— Мыши! Хи-хи.

— Заткнись, Димон. Мы сегодня ночью за всех пацанов района отомстим. Если случится чего... не вернемся если, значит... вы это...

— ...Считайте нас коммунистами, — не выдержал я. — Хорош трепаться, ребя. Давай по домам. Родителей еще надо уболтать...

А ведь это действительно проблема. Как же выйти ночью из дома?

Придумал же себе головняк на ровном месте!

Глава 2 ПАПА ФОН БОТВИННИК

Мой батя сильно устает на работе.

В детстве я этого вообще не замечал. Ну, приходит мужик со стройки — поужинал и на диван. Обычное дело. Как у всех. Мать постоянно подкалывала отца по этому поводу.

Мол, «наездник диванный», «гигант плюшевый». Ссорились даже иногда. Батя, как правило, сначала лениво огрызался для проформы, потом обиженно шуршал газетами, демонстративно листал книжки, в конце концов поворачивался на бок, спиной к злопыхателям, и давай храпеть на зло врагам.

Семи часов еще нет, а он спать. Странновато, конечно, с детской точки зрения, ведь на это время приходится самый разгар вечерних вкусняшек: Штирлиц, к примеру, по телику или какая-нибудь общественная затея во дворе. Там вообще каждый вечер происходит что-нибудь интересное, будь то день рождения у кого-нибудь или годовины, или крестины, а то и просто — банальное домино. Или лото, если верх берет женская половина. Шум, гомон, споры, смех.

А батя спать...

Сейчас, когда глазами ребенка все это воспринимает взрослый мужик, многое становится понятным. Да так, что порой к горлу подкатывает соленый ком. И это не только жалость. Это что-то большее. Быть может, гордость? Быть может, восхищение человеком, который стал для тебя главным ориентиром в этой жизни?

Сейчас я уже понимаю, что отец вкалывал как бешеный трактор не для того, чтобы срубить лишнюю копейку, хотя и получал прилично по общепринятым меркам — около четырех сотен в месяц.

Нет, дело не в этом. И не в том, что батю якобы изматывает бездушная советская система, превращающая людей в индустриальные винтики в погоне за химерами светлого будущего. Это бред. В этом советском времени о людях думают всегда и в самую первую очередь, железобетонный факт. Слово, которого из песни не выкинуть, как бы ни старались современные псевдолиберальные умники. Поэтому и масса кружков у детей, и стадионы, и пионерлагеря, у взрослых — турбазы, катки-бассейны, санатории-профилактории разные. И все это — дешево и доступно.

Ни при чем здесь система.

Просто мой папа НЕ УМЕЕТ ЧТО-ЛИБО ДЕЛАТЬ ПЛОХО.

Такое вот свойство характера. Не научили в детстве халтурить. В его голодном послевоенном детстве. Когда бездельники и сачки просто не выживали. И поэтому батя сейчас — естественным образом передовик производства. Что называется, «ударник коммунистического труда». И один из ведущих сварщиков целого стройтреста в свои неполные тридцать лет! Про него даже написаны две заметки в городской газете: «Новаторский способ обеспечения непрерывности сварочного шва», или что-то в этом роде. Тут я слабо разбираюсь.

А еще есть солидная куча всяких наградных медалек да значков, которые мать аккуратно подкальывает на красную бархотку, вышитую в форме вымпела. Наш «красный уголок» в квартире. Чувствуете, где находятся истоки истинного патриотизма? В простых и обыденных на первый взгляд вещах...

Сегодня папа в восемь вечера был еще при памяти. И даже не собирался вырубаться.

Просто у нас появилась новая фишка, напрочь отбившая бате страсть к преждевременному засыпанию: ОН С СЫНОМ ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ!

А сын, зараза, большей частью выигрывает! Знамо дело — шахматный кружок во Дворце пионеров, не хухры-мухры. Ребенка отдали туда после весеннего запрета заниматься спортивной гимнастикой. Слишком высокий травматизм оказался у того мирного на первый взгляд вида спорта.

Вот шахматы — другое дело! И культурно, и безопасно. А заодно и с сыном можно пообщаться.

— А если вот так?

— Это ты походил, пап?

— Пока нет...

— Если походишь, получится «защита Филидора».

— Ага. Вон оно как! Филидора, значит. А если, к примеру, этой пешкой?

— А этой пешкой у тебя выходит «латышский гамбит». Очень рискованный вариант развития для черных. Сложно играть. Не советую.

— Дружкам своим не советуй. На улице. Играю гамбит! Вот так вот. Латышский!

— Походил?

— А то!

— Тогда капец твоей пешке. На!

— Вон как ты, значит...

Больше всего бате нравятся высокоинтеллектуальные разговоры «за теорию» — какую партию, к примеру, он играет на этот раз. Предусмотрен ли шахматными мудрецами тот или иной вариант дебюта, который он на этот раз сам изобрел. И дикий восторг, если происходит попадание, в результате которого всплывает очередной мудреный термин — какой-нибудь «схевенингенский вариант сицилианской защиты».

Только попадания в такие крутые названия случаются до обидного редко.

Даже, наверное, не каждый день. Это вам не шов сварочный вытягивать. Будь он хоть трижды непрерывным. Большею частью на шахматной доске появляется дикая конструкция, в конечном итоге приводящая пытливого исследователя к неизбежному разгрому. С разницей лишь в том или ином количестве ходов.

Что называется: «Вас как, сразу прикончить — или желаете помучиться?»

Лучше, конечно, помучиться. Поэтому забыт осиротевший диван, стынет дважды уже разогретый ужин, а «плюшевый гигант» упорно рубится в древнейшую игру.

Между прочим, честно рубится. Отчаянно и безнадежно. Проигрывать батя не умеет. И не любит. Потому что, как я уже говорил, плохо ничего не делает. Это принцип. А я вот все-таки не до конца с ним честен. Опыта у меня все же больше — за счет прежней жизни, где я даже когда-то сдавал какие-то регламенты на спортивный разряд.

— Шах!

— Напугал ежа... А мы сюда!

- Еще шах!
- А мы еще дальше походим!
- Шах! И мат заодно! Чтобы очень далеко не ходить.
- Как это?
- Опять!

Сколько мы играем, столько и звучит это «как это?».

Как будто очередной папин проигрыш — событие экстраординарное и умом непостижимое. Требующее вдумчивого и критического анализа. Причем критического большей частью в отношении выигравшей стороны — где я не так походил? Нет, батя, разумеется, тоже выигрывает порой, но... это если мне уж окончательно надоест играть и я захочу избавиться наконец от этой черно-белой напасти.

Сегодня, к слову, мне пока не надоело. Ко всему прочему, есть у меня кое-какие виды на эту ситуацию. Сейчас, кстати, папа начнет прессовать меня на матч-реванш.

Никогда не сдастся!

— Ну что, сынок, еще партейку?

Что характерно, в этом «вопросе» вопросительной интонации — кот заплакал.

Потому что отказ не предусмотрен.

— Не-а.

Папа насторожился. Непонятно ему, что это — бунт на корабле или пока еще просто недоразумение? Не слышалось ли?

— Как это? — Что-то перебор у нас сегодня с «каками». — Ты это чего, с отцом в шахматы поиграть не хочешь?

У бати аж голос произвольно дрогнул. На слове «поиграть». От невиданного кощунства, надо полагать.

— Хочу-хочу, — поспешил я его успокоить. — Только мама велела внеклассное почитать перед сном. Тургенева, кажись. Каникулы-то кончаются, а я и не читал еще ничего! Там список со школы — книг на сорок!

— Не дрейфь. Успеешь все прочитать. А маму я беру на себя, — заявляет опрометчиво шахматный неофит и двигает доску в моем направлении. — Давай расставляй. Теперь, чур, я белыми!

— Не, пап. Мама же! Пойду читать, — начинаю я подниматься со стула, фальшиво вздохнув при этом. — Сегодня, кажись, придется тебе в проигравшем состоянии ночьку встречать.

Ну не змей ли я?

— Стой! Присядь. — Папа задумчиво проводит пальцем по черно-белым клеткам. — Ладно. Считаю, что уговорил. На что играть будем? На мороженое?

Имеется в виду, что ставки в игре, которой неожиданно «заболел» отец, категорически запрещены. Мамой, кто не догадался. Потому что нельзя с ребенком играть в азартные игры. Пусть даже это и будут приличные шахматы. Непедagogично!

Но батя, по всей видимости, хорошо завелся на этот раз.

— Ну как? Идет?

— Не-а. Не хочу мороженого. Эка невидаль.

— А что тогда? На что играть будем?

— А давай на интерес!

— Ты оборзел? А ремня по «интересному» месту не хочешь?

— Как скажешь. Ма-ам! Чего читать сегодня? Тургенева?

— Тише ты! Чего орешь-то? Люда! Ты чего, дорогая? Витка? Да он... сейчас... Партейку одну... Потом будет читать. Это, как его, «Муму». А как же! Ты иди-иди. Чего там у тебя так вкусно пахнет? Мм, объедение! Солнышко ты мое!

Усыпил все же бдительность хозяйки. Мать, явившаяся на мой зов, как тот Сивка-Бурка, последний раз окинула нас подозрительным взглядом, пожалала плечами и скрылась на кухне.

— Чего хочешь? — сразу же взял папа быка за рога. — Только сильно не налей!

— Хочу у бабушки сегодня ночевать! Можно?

Вообще-то не бог весть какая просьба.

Просто мои родители считают, что я чересчур зачастил с бабушкиными ночевками. Злоупотреблять стал, по их мнению. На самом деле мне кажется, что в них говорит банальная ревность. Дело в том, что в нашей семье фаворитом при-

знания является мой младший пятилетний брат Василий. Солнце нации. А бабуля, как последний оппозиционер, предпочтение отдает мне, старшему и любимому внуку. И Василия не особенно жалует. Идет, получается, против линии партии, что слегка раздражает семейное руководство. Вот мне и подсовывают палки в колеса по поводу ночевки у бабушки. Из вредности. И под любым предлогом.

Последняя отмазка вообще оборжаться: «Не мешай бабушке устраивать личную жизнь». Нормально? И, кстати, аргумент не такой уже и фантастичный. У бабули есть реальный жених! Дед Вова, шестидесяти нетленных лет. Положительный во всех смыслах. И почти не пьющий!

— Ты бабушке жизни не даешь, — завел батя старую волюнку. — Понимание же надо иметь! Теща ведь у нас... невеста же... гы-гы-гы...

— Очень смешно. Ты играть-то будешь? — вернул я батю с игривых небес на землю. — Выиграешь — я дома ночью. Проиграешь — иду к бабушке. Маму берешь на себя.

— Борзеешь, конечно, — задумчиво протянул отец. — Химичишь чего-то там опять. А, Витек? Какую новую шкоду удумал?

— Ничего я не удумал! — изобразил я обиду. — Не хочешь играть — не надо. Читать лучше пойду!

— Да ладно. Не буксуй. Только я белыми, как сказал!

— Валяй.

Отлично! Значит, сегодня ночью у бабушки. А там у меня — отработанный канал ночных самоволок.

Надежный и проверенный.

Глава 3 ДИМОН... ОН И В АФРИКЕ ДИМОН

«Тиха украинская ночь!»

А что? Формально мы живем на Украине. Хотя, если честно, ни у кого сей факт ни сожаления, ни тем более восхищения не вызывает. Давайте будем откровенны — по этому поводу у людей вообще нет никаких эмоций. Народу пле-

вать на все эти тонкости. Ведь страна-то одна — Советский Союз. А как там эти умники накромясали административные границы — всем фиолетово. Не наше это дело. Украина так Украина, неплохой, прямо скажем, вариант. То, что все кругом разговаривают по-русски, — тоже никого особо не напрягает. Больше скажу: никто никого по этому возмутительному поводу «зрадником нації» не считает. Хочешь учить украинский — пожалуйста, учи. Достаточно только заикнуться. Я имею в виду — в школе, не поймите буквально. Тут же тебе организуют специальный класс, найдут учителей, введут дополнительные часы в школьную программу и так далее. Вчися, хлопчик, и будь щасливий.

Только знаете что? Почему-то никто не заикается.

Ну да ладно. Нет у меня особого желания впадать в политиканскую дискуссию. Бессмысленную и беспощадную, как русский бунт. Поэтому выражу свои восторги более политкорректно.

Волшебным очарованием дышит летняя южная ночь!

Да. Так точнее.

Наша крымская ночь действительно находится где-то рядом с магией. В воздухе витает непередаваемое ожидание чуда. Кажется, что здесь до волшебства рукой подать. Сказочные герои — и злые, и добрые — они повсюду: в шорохе листвы и пятнах света на асфальте, в стрекоте цикад и легком бризе с моря, пахнущем... Господи! Чем только не пахнет этот чудесный теплый воздух! Солью, фруктами, цветами... Чаще всего, наверное, кипарисом. Или розами. Или лавандой. Да что там! Эти ароматы можно перечислять бесконечно. Или вообще их не замечать, как это делают местные жители, давно уже привыкшие к чуду и смирившиеся со сказкой.

А я вот не желаю к этому привыкать! И смиряться не буду, и не просите!

Млея от удовольствия, я шагал по темным улочкам к месту встречи наших неадекватных подельников. Какое небо красивое! Звезды как горошины. Руку, кажется, протяни — посыплются в ладонь сверкающим водопадом. А ведь хорошо, что мы эту дурь выдумали, я имею в виду — ночную

«охоту на ведьм». Я уже и забывать начал, какое это чудо — южная ночь. Эвон какая миленькая прогулка вытанцовывается!

Не замечаем мы этой простой и бесплатной радости вокруг нас. Ох не замечаем! И ведь не только ночных красот это касается. Здесь целая мировоззренческая проблема. «Что имеем, не храним...» — подходит? Приблизительно разве что. Или «За деревьями леса не видим». Да, так, наверное, точнее. Надо все-таки иногда останавливаться и смотреть в ночное небо. А для этого и нужно — всего-то выдумать дурацкое ночное мероприятие и... сбежать от бабушки.

М-да... Колобок хренов.

Зачем ночник-то перед уходом выключил? Кто просил? Уходя гасите свет? А ничего, что бабуля может всполошиться? Где-то умным себя считаешь, а где-то — тормоз тормозом!

Схема «самоволок» из бабушкиной квартиры элементарная. Для «переночевать» любимому внуку предоставляется целая комната с выходом на балкончик. Малюсенькая, правда, комнатенка, но разве в этом дело? Балкон весь зарос виноградом — великолепный «бычий глаз». Кроме того, что вкуснее винограда я в жизни не едал, ко всему прочему, у этого чудесного растения толстенная десятилетняя лоза, удобными уступами поднимающаяся на второй этаж «сталинки», где и располагается бабушкина квартира. Взрослого не выдержит, а вот меня — милое дело! Достаточно лишь дождаться, чтобы бабуля заснула (а сон у нее не по годам крепкий), и ты свободен до утра!

Если бы только не этот ночник!

Ой вы ручки мои шаловливые. Куда ж вы это на автомате-то потянулись? И сколько сэкономишь ты на электричестве, оптовик ты наш продуманный? Лопата не сломается грошики-то скирдовать?

Я с досадой потер затылок.

Опять эта шизофрения. Две личности в одной башке — серьезный диагноз. Один «косячит», другой «нудотствует». Помиритесь вы наконец когда-нибудь? Старый да малый.

Непроизвольно я приснул, представив себе эту парочку, сцепившуюся друг с другом в моей черепной коробке. За чем-то схватился за рот — мол, как бы спящих граждан не потревожить. И из-за этой очередной своей несуразности уже просто заржал над собой в полный голос, отпуская в ночь скопившееся напряжение. Что-то шарахнулось в сторону в темном палисаднике по левую руку. Кошку напугал, что ли, своим хохотом? Или что там за зверь? Крупнее кто-то.

Интересно.

Я раздвинул ветви зловещего на вид кустарника и сунул туда свой нос. Да ерунда! Нету тут никого. Да и кто бы тут стал прятаться? Особенно от школьника-малолетки, чудом оказавшегося на ночной улице, причем без взрослых! И куда только родители смотрят?

Я скептически фыркнул и... все-таки на всякий случай еще прислушался. Тишина. Чудесная летняя тишина, наполненная треском насекомых, шорохом листвы и еле слышным дыханием ночного южного города: далекий шум одинокой машины, эхо сигнала с какого-то катера-полуночника да отзвуки веселой музыки, обрывками долетающей из вечно бодрствующих курортных зон.

Параноик чертов!

Развернувшись в сердцах, я что есть ног припустил к месту нашего ночного randevu. Тем более что, растворившись в романтике и сантиментах, я, кажется, слегка начал опаздывать. Еще подумают, что струсил. И тут же — хватать последнюю мысль, как рачка, неосторожно высунувшегося из ракушки: а кто это сейчас про «струсил» подумал — старый или малый? Да, блин, хорош уже! Хватит этих самокопаний. А то, глядишь, и до санитаров недалеко!

Раздосадованный и слегка возбужденный ночными впечатлениями, я пулей проскочил высокую стену летнего кинотеатра и выбрался на искомый пустырь.

Ага! Почему-то так я и предполагал — собрались все, кроме этого пустобреха Генки! Рыжий Славка, Вадька Трюха и — о чудо! — даже наш маменькин сынок заявил-

ся — Димон, гроза разбойниц! Интересно, чего он там дома наплел?

— А я даже и не отпрашивался, — словно услышав мои мысли, гордо заявил Димка, — тихонько встал ночью, как в туалет, прокрался в прихожую — и деру!

— Молодец, — рассеянно похвалил я его и переключился на других двоих, которые, сидя на корточках, что-то внимательно рассматривали на земле. — Что у вас там? Уронили что-то?

— Булка! Пришел? А у нас тут знаки какие-то...

Булка — это я. Потому что фамилия моя — Караваев. И я действительно пришел, тут Трюха, капитан-очевидность, не ошибся. А вот знаки...

— Ну, чего у вас тут?

Я оттер плечом Славку-инодворца. Чужак все-таки, поэтому в нашей сопливой пищевой цепочке должен знать свое место. Так положено. Иначе сам без авторитета останешься!

Камушки какие-то, мелкие. Выложены в рядок. А, нет. В два рядка. И уголком в конце. С крылышками какими-то. А, типа стрелка! Стрелка?

— А как вы вообще это разглядели? В темени этой?

Я подозрительно уставился на Трюху.

— А это и не мы, — как ни в чем не бывало заявил он. — Это Димон.

Я не увидел, а просто почувствовал, как полыхнули красным щеки Димона. О нем вновь говорят!

— Я просто... Камушек хотел... поднять... А тут...

Понятно. Камушки, жучки, травки-листочки, Димка всегда с чем-нибудь возится на корточках. Лишь бы стать ниже и не общаться с грозными собеседниками. Метода у него такая — отгораживаться от окружающих.

— А где Генка?

— А не пришел твой Генка! Мамочка, наверное, не отпустила.

Почему это он мой? Трюха попутал что-то?

Впрочем, в бутылку лезть — смысла нет. Надо разгонять эту ночную шайку, тем более что повод прекрасный — главный заводила отсутствует.

— Ладно, проехали. Давай, ребя, по домам, пока родители не хватились.

На меня изумленно уставились три пары глаз.

— А стрелка? — неуверенно напомнил Славка. — Она же не просто так. Она же что-то значит.

— Дети, может, играли днем, — предположил я, забыв на миг, что мы эти самые дети и есть. Тут же поспешил исправиться: — Я имею в виду, мальки детсадовские, дошкольники. Дошколота!

— А вот еще одна, — флегматично заявил Трюха, успевший пройти шагов пять-шесть в направлении, куда указывали камушки. — Стрелка. Мелом только нарисовали здесь. По асфальту. Гля!

Мы сыпанули в его сторону. Точно. Еще одна стрелка. И, кстати, метрах в десяти, в пятне фонарного света — третья, с изгибом, указывающая за угол летнего кинотеатра.

— Так, стоп, мужики!

Черт, «мужики» для восьмилеток как-то фальшиво прозвучало. Тут обращаются «ребя». Ну да ладно...

— Я думаю, это Генка все намалевал, — сказал я. — Только он один знал, что мы в этом месте собираемся встречаться.

— А другие... что с нами на великах катались, — неуверенно произнес Димон. — Они тоже знали.

Логично!

— Те знали, что их ночью не отпустят. Хотя...

Ну да. Если кто-то задумал над нами подшутить, вряд ли стал бы афишировать свои возможности. Получается, кто-то придумал эту каверзу еще там — на зеленом склоне? Когда Генка про ночных разбойниц нам всем втирал?

Зачесался затылок.

Вообще-то речь идет о второклассниках. Это, кто не знает, дети такие, которым всего восемь лет от роду. Какие тут, на хрен, интриги? Какие, к чертям, каверзы и расчеты? Самое большее — жука чернильного в ранец подсунуть.

А тут — стрелки: «туда иди», «сюда не иди». Необычно как-то. И загадочно. И... действительно тянет разобраться...

Я, сцепив зубы, молча двинулся в сторону стрелок. За угол так за угол. Ага, еще одно художество. Эта стрелка указывает в темный проулок, между прочим. А там что — девчачья банда в полной красе? Как завещал нам великий Генка?

Чувствуя, что начинаю раздражаться на бестолковость ситуации, я направился в искомый проулок. Слышно было, как за спиной неуверенно семенит моя гоп-бригада. Молча, надо сказать. Дрейфим, мужички? Еще одна стрелка с поворотом. Изгиб указывает на подъезд какой-то двухэтажки. Впрочем, почему «какой-то»? Типовая, барачная, с деревянными лестницами и перекрытиями. Мы на дню мимо нее раз сто пробегаем.

А вот еще одна стрелочка. Поменьше. Перед самым подъездом. Показывает направо. В сторону небольшого спуска в подвал. И дверь там внизу слегка приоткрыта. Кажется, в глубине даже где-то свет включен. Кто же нас там ждет? Интрига!

Не задумываясь особо, я шагнул по ступенькам вниз.

— А можно... я тут... сверху останусь? — выкнул где-то сзади Димон.

Ему что-то буркнул в ответ Трюха, издевательски гоготнул и тяжело зашлепал вниз вслед за мной. Я, упершись ногами в пол, что есть сил потянул подвальную дверь на себя. Нехотя, с противным скрежетом она подалась и распахнулась чуть шире. Мы осторожно сунулись вовнутрь. Подвал как подвал. Где-то что-то капает. У дальней стены из-за угла мелькают пятна электрического света. Лампа там явно покачивается, видимо, на длинном проводе, свисающем с потолка. Справа шмыгнула беспризорная кошка. Слева гулко заурчала канализационная труба. Кому-то, наверное, приспичило там, наверху. Еще один полуночник.

— Вадим, проверь — может, тут какие-нибудь указатели есть. Стрелки там, камушки...

Я просто знаю, что у поджигателя Трюхи всегда на кармане есть коробок спичек. Ну правильно. Он уже ползает по грязному полу на четвереньках, подсвечивая себе огоньком.

— Не спали тут... что-нибудь, — с опозданием осознал я собственное легкомыслие.

Сзади со знакомым скрежетом шевельнулась подвальная дверь. Я оглянулся. Славка и Вадим здесь, у меня за спиной. Димон спускается?

Нет. Дверь еще раз скрежетнула зловеще и вдруг резко захлопнулась, подняв пылевую круговерть в лучах электрического света. Снаружи что-то глухо звякнуло. Запор?

— Димон! А в ухо не дать? — тут же предложил злоумышленнику Трюха, не вставая с колен. — А ну, открывай! Мы знаем, что это ты.

Ну я не был бы так категоричен. Только кто же еще, если не Димон? Трюха вскочил на ноги и гулко заколотил кулаками по крашеной жестянке, которой была обита дверь.

— Димо-о-о-он!

— Тихо, Вадька! Весь дом разбудишь. Дай мне.

Я отодвинул в сторону начинающего не на шутку нервничать Трюху и подергал за ручку. Точно, закрыто. И звуки какие-то непонятные снаружи — шорохи, топтания, повизгивания. Причем не у самой двери, а чуть сверху — у подъезда, видимо.

— Славка, а ну глянь там — ко второму подъезду проход не заколочен? Ну да, там, где свет от лампочки, туда иди. Давай мухой!

Куском доски я попытался отжать дверь наружу. Нет, плотно сидит в коробке, даже щели не видно. И запор, кажется, серьезный, надо думать — стальная полоса поперек. Убью Димона, если это его шуточки!

— Булка! Есть проход, не заколочен, — это вернулся разведчик Славка. — Дырка там, в кирпичах, не успели заложить, наверное. Я только... один дальше не пойду... там света нету.

Детский сад! Впрочем, а кто же они еще?

— Давай за мной, — окончательно взял я на себя руководство. — Да осторожней ты!

Это я Трюхе, который на радостях так шустро за мной ломанулся, что чуть Славку не затоптал в потемках.

Пачкаясь в пыли, мы пролезли в стенной пролом и, пользуясь типовой планировкой подвала, быстро вычислили коридорчик, ведущий ко второму выходу. Дверь там тоже была закрыта, но, на наше счастье, — без запора снаружи. Потому что с трудом, но все же подалась, издавая все тот же характерный скрежет. Двери-близнецы, блин. Одноййцевые.

Я высунулся на свободу и огляделся.

Из приподвальной ниши многого не разглядишь. Поднялся повыше — никого. Только звезды безмятежно сияют в равнодушном небесном мраке. Шума тоже никакого нет. Только где-то недалеко шенок какой-то поскуливает еле слышно.

— Чего там? — дрожащим шепотомдохнул мне в ухо герой Трюханов, едва не повиснув на моей спине.

— Сейчас посмотрим, — поспешил я его обнадежить и шагнул на свет к подъезду.

И здесь никого.

А у соседнего подъезда, метрах в десяти от нас, кто-то сидел на стуле. Прямо перед крыльцом. Странно. Нашел время устраивать посиделки. И лампочка почему-то не горит, хотя перед нашим спуском в преисподнюю жизнерадостно пылала во все свои пятнадцать ватт.

Мы подошли поближе и в оцепенении уставились на невообразимую картину.

На стуле сидел Димон.

И был он к этому стулу привязан эластичным медицинским жгутом. Мы из такого рогатки делаем — в любой аптеке можно купить за тридцать копеек рулон. И повизгивал это, оказывается, не какой-то там посторонний шенок, а наш что ни на есть собственный подельник. Потому что рот у него был завязан какой-то тряпкой, и человеческие слова он произносить был не в состоянии. А вот глаза у него, вопреки его же прежним рассказам, завязаны не были, а, напротив, вытаращены и полны ужаса.

А еще у Димона в костюмном ансамбле явно не хватало одной детали. Немаловажной. Для настоящего пацана, имеется в виду. Димон сидел на стуле... без штанов. Сидел и легкомысленно светил во мраке гламурными труселями вызывающего кипельно-белого цвета, слегка подмоченными в некоторых труднодоступных местах. Мы в таких аксессуарах уже отмаялись — в свое время и в разных там дошкольных учреждениях. Как водится, перешли теперь на суровые взрослые семейники. Ну или почти взрослые...

Я протянул руку и отцепил тетрадный листок в клеточку, пришпиленный к спине Димона какой-то дурацкой заколкой в виде Чебурашки. Там черным фломастером был намалеван череп с костями. Изящно, надо сказать, намалеван. Красиво и со вкусом. Точными и скупыми штрихами. Так дети не рисуют.

Но самым поразительным было то, что сверху к черепу с двух сторон были пририсованы... ДВЕ КОРОТЕНЬКИЕ КОСИЧКИ...

И все же добило меня не это.

Почему-то самым ужасным показалось то, что косички были нарисованы...

С БАНТИКАМИ!!!

Видимо, чтобы не оставлять никаких иллюзий.

В голове что-то напоследок звякнуло, как поломанное реле на старинной телефонной станции, связь со здравым смыслом оборвалась, и... стало пусто.

Мысль ушла.

Глава 4 ТОЧНО НЕ БРЮС ЛИ

— Мне кажется, вам это будет все-таки интересно.

Сергей Владимирович, наш бессменный Шеф — олицетворение невозмутимости. Ну просто Будда на прогулке. Специально нагоняет интригу на присутствующих, для чего даже не шагает, а буквально плывет величаво по на-

правлению к выходу из спортзала, чтобы пригласить обещанного гостя.

Тот, я так понял, ожидает конца начальственной пантомимы в большом гимнастическом зале. Мы же терпеливо внимаем представлению Пятого в малом, тайном спортзале Дворца пионеров, который отдан в аренду органам безопасности. Или, скорей всего, просто отобран у красногалстучных ребятишек без всякой аренды. Мне это без разницы. Неинтересно. В конце концов, я тоже ребенок. По крайней мере, внешне.

Мне гораздо интереснее, кого Шеф привел на этот раз, — ведь «светить» нашу тройку кому попало сильно не рекомендовано. Спецподразделение, как ни крути. В которое полноправным членом входит вундеркинд-оперативник восьми лет от роду. Представляете, какой вой подымет зарубежная пресса, если узнает об участии несовершеннолетнего лица в деятельности силовых структур Советского государства? То-то и оно. Кому потом объяснять, что мне не восемь, а восемь плюс сорок девять?

— Там точно не Брюс Ли. Гарантирую. Китаец умер в прошлом году, — задумчиво произнес Сан-Саньч, мой второй инструктор.

Вообще-то инструктор он — постольку-поскольку. Для галочки. По факту он — командир нашего маленького отделения, зам Шефа в его отсутствие. Микроначальник. «Комод». Но, к моему вящему сожалению, педагогической деятельности он тоже не оставляет. Впрочем, как и проблемы собственного совершенствования.

То, что он сейчас ляпнул, — надо расценивать как юмор.

Всем хорош Сан-Саньч: подготовка, техника, низкий болевой порог, разнообразие стилей единоборств, да и неглуп, ко всему прочему, в экстриме — как рыба в воде, всегда принимает точное и единственно верное решение. Только с юмором у мужика — швах! И самое страшное, что Козет (это его позывной) прекрасно осведомлен об этом своем единственном, можно сказать, недостатке. Не без нашей, признаюсь, помощи осведомлен. И сей прискорбный факт его ни в коей мере не устраивает! Он страстно же-

дает локализовать эту аномалию, выровнять изъям и научиться хохмить как все нормальные люди. Я имею в виду себя и своего партнера Ирину. Ну и Пятого, разумеется. Тот вообще известный комик.

И мучается Сан-Саныч над устранением своего темного пятна на солнечном лице, совершенствует свою слабую сторону: острит практически постоянно и повсеместно. По крайней мере, он так считает, что острит. И я вам скажу, иногда у него получается!

Правда, не в данном конкретном случае.

На что чутко реагирует Ирина, его критик и неутомимый мучитель:

— Саша, вот сейчас действительно было смешно. Без дураков. Я чуть не упи... чуть не упала со смеху. Ну надо же! Брюс Ли. И умер! Оборжаться.

Козет подозрительно прищурился. Правда оценила? Или опять подкальывает?

— Врет она, Сан-Саныч. Не верь, — вставил я свои пять копеек. По принципу добрый полицейский, злой полицейский. — Совсем не смешно. Грустно даже. Такой человек — и умер. Хотя... может, и не умер...

И кивнул в сторону выхода.

Вслед за Шефом в зал шагнул высокий мужчина лет сорока с выразительным длинным лицом, в котором явно усматривались восточные гены. Не Брюс Ли, конечно, но и не Иван-царевич. Одет в камуфлированный балахон полковой разведки военных лет, застиранный чуть ли не до дыр и даже, кажется, штопанный в нескольких местах.

Мы переглянулись. Колоритный тип.

— Знакомьтесь, товарищи. Это Алексей. Леш, это Саша, девушку зовут Ирина, а это Виктор, я рассказывал.

Слегка смущаясь, мужчина официально пожал каждому руку. Ладонь у него была узкой, сухой и твердой.

— Кстати, Сан-Саныч, своим позывным ты обязан именно Алексею, — огорошил Козета Пятый, — я тогда только познакомился с Лешей и, признаюсь, был под впечатлением. Чего и вам желаю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i>	5
<i>Глава 1.</i> Геннадий фон Мюнхаузен	9
<i>Глава 2.</i> Папа фон Ботвинник	16
<i>Глава 3.</i> Димон... он и в Африке Димон.	22
<i>Глава 4.</i> Точно не Брюс Ли	31
<i>Глава 5.</i> Солдат удачи	46
<i>Глава 6.</i> Я в жизни видел много съёмов...	53
<i>Глава 7.</i> Юрский парк... по-русски	62
<i>Глава 8.</i> Либо Крест, либо трусы...	79
<i>Глава 9.</i> Инь и Ян	96
<i>Глава 10.</i> Рыжий... он всегда бесстыжий	104
<i>Глава 11.</i> Романтический вечер	112
<i>Глава 12.</i> Папа вам не мама	119
<i>Глава 13.</i> Утренняя дедовщина	125
<i>Глава 14.</i> Валентине Афанасьевне мое почтение	135
<i>Глава 15.</i> «Гавриилиада», римейк.	143
<i>Глава 16.</i> «День простоять да ночь продержаться»	154
<i>Глава 17.</i> Живая история	162
<i>Глава 18.</i> «Народ безмолвствует»	170
<i>Глава 19.</i> Амба есть амба	177
<i>Глава 20.</i> Мое почтение, дон Педро	186
<i>Глава 21.</i> Немного о грустном (можно не читать)	194
<i>Глава 22.</i> Служил Гаврила... разводилой...	202
<i>Глава 23.</i> Обухом по голове	212
<i>Глава 24.</i> Право на ошибку	223
<i>Глава 25.</i> Дядя Сережа	229
<i>Глава 26.</i> «Вместе весело шагать...»	236
<i>Глава 27.</i> Невербальная дискуссия	243
<i>Глава 28.</i> Вверх и в темноту...	250
<i>Глава 29.</i> Нашлась пропажа	257
<i>Глава 30.</i> Конец	264
<i>Эпилог</i>	273